

IVANOV Oleg Borisovich, Head of the Center for the Settlement of Social Conflicts (of. 1208, 72 Mira Ave, Moscow, 129063, Russia; collegiamo@gmail.com), Chairman of the Board of Mediators at the Chamber of Commerce and Industry of the Moscow Region, Honored Lawyer of the Moscow Region

POLITICAL INTERESTS IN SOCIO-POLITICAL CONFLICTS IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article considers a conflict, which is the most important aspect of human interaction in the society, in this case – a social and political one. As a social and political process, political conflict is characterized by manageability, i.e. sensitivity to external organizing influence. This article is an attempt to analyze the current state, the main trends and the most probable prospects for the development of existing socio-political contradictions. The paper analyzes the fundamental possibility of transforming these contradictions from social conflicts into a large-scale political confrontation with reference to modern Russia. The author examines the specifics of the socio-political conflicts of modern Russia and points, on the one hand, to the growth of protest moods, and on the other hand, to the objective absence of legitimate leaders of the protest movement. In this situation, the protest can go into an uncontrolled riot. Particularly apprehensive about this situation is the fact that, under similar factors, the political processes of recent years that were catastrophic for the national states of the North Africa and Eastern Europe were successfully launched.

Keywords: social conflict, political conflict, subject of conflict, political culture, political regime, civil society, conflict management

ГОЛОВЧЕНКО Антон Владимирович – кандидат политических наук, ассистент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; Golovchenkoav@mail.ru)

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА И ОЖИДАНИЯ ГРАЖДАН В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье речь идет о позиционировании модернизационного потенциала либерального проекта в постсоветской России и его несоответствии ожиданиям большинства российских граждан. Рассматриваются противоречия по таким позициям, как гражданское общество, правовое и социальное государство. Автор приходит к выводу, что консенсус социальных и элитарных ожиданий возник не на основе либеральной модели, а на почве общей для элиты и граждан надежды, что гарантом безопасного настоящего и устойчивого позитивного будущего в нашей стране является сильное, политически централизованное государство.

Ключевые слова: либеральный проект, модернизационный потенциал либерализма, гражданское общество, правовое государство, социальное государство

Несоответствие между содержанием либерального проекта 1990-х гг. и тем, чего хотела от политики и как видела условия своего активного участия в ней масса российских граждан, можно проследить по ряду позиций. Важнейшее место среди них занимает несоответствие либерального проекта в отношении модернизации политической субъектности российского социума в рамках развития гражданского общества тем ожиданиям, которыми этот социум жил в постсоветский период.

Идею превратить советское общество в «гражданское общество» можно счи-

тать ключевой для либерального проекта. Общественное сознание откликнулось на эту идею позитивно, несмотря на определенную формальную абсурдность самой постановки такой модернизационной задачи [Отношение населения... 2014]. Фактически формулировка допускала, что в советскую эпоху якобы не было граждан, не было институционализированных устойчивых форм и способов гражданской самоорганизации, не было общественных институтов, представлявших права и обязанности граждан перед государственными институтами; что советское общество состояло из индивидов, не способных к коммуницированию между собой и государственными институтами по проблемам политики. И только теперь, по ходу радикальных либеральных реформ и последующей модернизационной политики, у россиян появилась перспектива приобрести статус гражданина и включиться в систему политических коммуникаций.

Это допущение противоречило факту 70-летнего существования советской формы гражданственности индивида и советской системы гражданских отношений. В этой связи популяризаторы идеи «создания в России гражданского общества» в СМИ и на страницах научных изданий вынуждены были уточнять свою позицию в том смысле, что гражданское общество в СССР было, но его нельзя считать по-настоящему «гражданским», потому что его параметры не соответствовали требованиям «настоящего гражданского общества», т.е. модели западного типа.

Такая логика аргументации импонировала массовому сознанию российских граждан по той причине, что предлагала ему предельно простую стратегию и тактику решения широкого круга проблем, накопившихся за годы советской власти в отношениях между обществом и государством. Граждане как бы в одностороннем порядке «разрывают общественный договор» с государством по поводу своего прежнего гражданского статуса и заключают с ним новый — не обремененный сложным советским опытом политических, правовых, экономических и культурных конфликтов. Ориентировались они при этом на классиков западной политологии, утверждавших, например, что гражданское общество — это «творческий хаос, разнородность переплетающихся друг с другом ассоциаций, каждая из которых имеет собственные основы существования, а зачастую и собственные историю и специфические формы членства» [Дарендорф 1993: 33]. Ф. фон Хайек в качестве идеала свободного либерального общества видел спонтанно возникшее в ходе эволюции общественное устройство на основе базовых идейно-моральных ценностей свободы, частной собственности и соревнования. По его мнению, «конкуренция представляет собой процедуру открытия, узнавания нового — процедуру, присущую эволюции во всех ее формах, заставляющую человека помимо своей воли вписываться в новые условия» [Хайек 1992: 38].

В этом обстоятельстве обнаружило себя важное несоответствие либерального проекта (в части вопросов строительства гражданского общества в России) тому, как видело перспективу собственных организационных и функциональных изменений само российское общество.

По мере того как осуществлялся переход от популяризации идеи и опыта западного гражданского общества к практическим мерам по созданию его действующих институтов в России, для сознания граждан все большую актуальность приобретал ряд вопросов. В чем существенное отличие либеральной гражданственности от советской? Если в более широком спектре личных свобод и личной ответственности, то за счет чего (каких ресурсов общества и государства) и кого (каких общественных и государственных институтов) должна произойти такая перегруппировка свободы и ответственности гражданина как субъекта поли-

тики? В том формате либерального проекта, который был обществу предложен, внятный ответ на эти вопросы не содержался.

Обществу в начале реформ предлагали идеальную модель гражданского общества западноевропейского образца, основанную на таких характеристиках, как «обладание каждым его членом конкретной собственностью или участие его в обладании собственностью, право использовать ее и распоряжаться ей по своему усмотрению... наличие в обществе развитой, многообразной социальной структуры, отражающей богатство и разноплановость интересов представителей различных групп и слоев. ...достаточно высокий уровень социального, интеллектуального, психологического развития личности, ее внутренней свободы и способности к полной самостоятельности при включенности в тот или иной институт гражданского общества» [Варьвдин 1992: 29].

Фактически либеральный проект предлагал перераспределить ресурсные издержки между обществом и государством путем передачи большей части накопленного в советский период общественного и государственного богатства в частную собственность. Уменьшение роли государства в экономике и всех других сферах общественной жизни было одним из главных тезисов либерально-демократической модернизации и одновременно и главной предпосылкой для строительства независимой от государства сферы гражданского общества.

Такое предложение, при всей его внутренней логичности, не учитывало определенной инерционности политического процесса, а именно того, что в советской системе традиционно главным собственником было государство, а не общество. Соответственно, от него как главного держателя материальных и нематериальных (культурных и правовых) ресурсов масса рядовых граждан по ходу осуществления радикальных либеральных реформ ожидала главных ресурсных затрат на решение текущих и будущих общественных проблем. Так было во всех реформах советского времени и потому представлялось массовому сознанию естественным.

В этом ожидании была своя логика, противоположная логике либерального проекта. Свою долю собственности, полученную в ходе так называемой ваучерной приватизации и последующего процесса акционирования промышленности, сельского хозяйства и торговли, граждане рассматривали не так, как этого требовал либеральный проект, а в основном как ресурс личного потребления. Они воспринимали ее как специфическую компенсацию государством той низкой в сравнении со многими развитыми странами с рыночной экономикой заработной платы, которую они получали десятилетиями, работая в государственном и кооперативном секторах советской экономики. Соответственно, они не рассматривали ее как ресурс для индивидуального предпринимательства или вложения в создание институтов гражданского общества.

Специфическим обнаружением устойчивости таких ожиданий граждан от государства стали частые сетования исследователей проблем гражданского общества в России, имеющие место до сих пор, на пассивную позицию государства в вопросах стимулирования развития гражданской культуры и гражданских отношений [Рябев 2010]. Однообразный смысл этих сетований состоит в том, что «власть» недостаточно внимания обращает пока на дело строительства гражданских институтов, больше решает свои внутренние проблемы в ущерб решению проблем общественных. И что пока она серьезно не вложится своими ресурсами в это дело, никакого устойчивого гражданского общества в современной России не сложится.

Такого рода сетования, когда их повторяют современные исследователи, не учитывают тот факт, что уже в 90-е гг. прошлого века политические и бизнес-элиты стали вырабатывать, а к настоящему времени достаточно полно вырабо-

тали технологию решения этого противоречия между собственными ожиданиями и логикой либеральной модернизации страны. Смысл этой технологии в том, что полученная в ходе эксплуатации собственности прибыль при первой же возможности конвертируется в политическую и административную власть и в увеличение этой власти за счет оптимизации связей внутри властной элиты [Проблемы взаимодействия... 2012: 15]. На фоне этой тенденции призывы к обладателям собственности и власти поделиться ресурсами с обществом больше похожи на призывы к благотворительности.

Еще одной линией противоречий между либеральным проектом и ожиданиями массового сознания относительно решения проблемы гражданского общества стали так называемые общечеловеческие ценности. Для либерального проектирования последних десятилетий во всем мире они были и остаются (по крайней мере, до того момента, когда в Европе начал нарастать миграционный кризис) альфой и омегой всей организации, смыслом и духом политического процесса.

Современный миграционный кризис в Европе, может быть, просто более ярко высветил тот диссонанс в постановке вопроса общечеловеческих ценностей и ожиданий массового сознания, который гораздо раньше обнаружил себя в ходе российских радикально-либеральных реформ. Основой приверженности современного либерального общества общечеловеческим ценностям является однородная в правовом, экономическом и социальном отношении структура гражданского общества. Иначе говоря, в этом обществе не должно быть много слишком богатых и слишком бедных. В нем не должно быть слишком много тех, кто имеет особые отношения с государством, и тех, к кому государство не проявляет устойчивый интерес.

В российском обществе либеральные реформы спровоцировали невиданную прежде в странах с индустриальным типом экономики дифференциацию доходов граждан. Они разделились на очень богатых и очень бедных, причем такое деление возникло в период ваучерной приватизации даже в рядах частных собственников. В такой ситуации произошла принципиальная деактуализация для огромной массы российских граждан проблемы инвестирования своих материальных и культурных ресурсов в дело создания различных институтов гражданского общества – от политических партий до местного самоуправления.

Возник достаточно широкий разброс интересов отдельных граждан и целых социальных групп, связанных с элементарным выживанием в условиях распада экономической системы России. Страх перед неопределенным будущим заместил собой в массовом сознании российских граждан те ожидания определенного будущего, которыми прежде жило советское общество (как любое нормальное современное общество) и которые обеспечивали его внутреннюю консолидацию и устойчивость всей социальной системы. В такой ситуации предложение в деле строительства нового либерального гражданского общества на обломках старого советского выглядело для массового сознания избыточным риском в силу невозможности для гражданского большинства взять этот процесс под свой реальный контроль.

Эсхатологические настроения до начала нового столетия были свойственны, заметим, не только сознанию рядовых граждан, но и сознанию властной и интеллектуальной демократической элиты [Обзор российских... 2008; Касамара, Сорокина]. Возникли условия для идейного и политического консенсуса верхов и низов, постепенное укрепление которого мы наблюдаем сегодня и в основании которого лежит представление о необходимости укрепления государства, его институциональных основ и его суверенитета, для восстановления в российском обществе если не уверенности в завтрашнем дне, то, по крайней мере, уверенности в безопасности дня нынешнего.

Соответственно, развитие политического процесса в российском гражданском обществе пошло в направлении противоположном тому, которое изначально предполагал либеральный проект. Консенсус социальных и элитарных ожиданий возник на почве общей для элиты и граждан надежды, что гарантом безопасного настоящего, а значит и хоть какого-то гарантированно устойчивого позитивного будущего, является сильное, политически централизованное государство. Вместо достижения относительной гомогенности социальной структуры по признаку сходства экономических, правовых, политических и культурных интересов отдельных граждан и социальных групп вектор развития политического процесса оказался развернутым в направлении формирования неосословных установок участников политического процесса и неосословных принципов социальной организации для осуществления политического участия [Шестов 2010].

Статус личности и социальной группы стал определяться не ее желаниями и возможностями ставить перед государством вопросы расширения и закрепления своих прав и свобод (как это подразумевает либеральная трактовка гражданского общества), а готовностью и возможностью институтов власти делиться с личностью и социальной группой своими ресурсами (посредством системы социальной политики, законотворчества, бюджетных инвестиций в разные социальные и индивидуальные практики) в обмен на политическую лояльность государству и исполнение предписываемых функций [Опыт взаимодействия...2010].

Что касается вопроса соответствия изменений российского государства как правового ожиданиям массового сознания, то здесь реализация либерального проекта также столкнулась с существенным препятствием. Российское либерально-демократическое государство должно было стать государством правовым. Как и в случае с постановкой модернизационной задачи создания в России гражданского общества, постановка задачи создания правового государства и социального государства дезориентировала массовое сознание в восприятии своего прошлого. Для большинства граждан Советское государство было правовым как по форме своей организации, так и по порядку функционирования его институтов. Все делалось по закону, только не либеральному, а советскому. Оно было для большинства населения социальным в силу своей ориентированности в политике, экономике и культуре на интересы трудящегося большинства — бесплатность образования, медицины, возможность получения квартиры и т.д.

Как и в случае с гражданским обществом, популяризаторы идеи правового и социального государства в новой России каждый раз вынуждены уточнять, что этим термином они обозначают не столько тип государственной организации, сколько определенное качество государства либерально-демократического типа — качество, в соответствии с которым государство должно было максимально быстро двигаться к разгосударствлению — в направлении усиления правовых и административных самоограничений и максимальной передачи контроля над своими ресурсами гражданскому обществу. То есть, государство должно было максимально лишиться права вмешательства в экономическую и общественную жизнь, но фактически сохранить за собой ответственность за все трудности и конфликты в российском обществе.

В результате на этапе либеральных реформ в постсоветской России теоретическая «выжимка» из богатого опыта реализации либеральных ценностей в различных странах свелась к обособнованию убогой формулы: «демократия, частная собственность и рынок все расставят по своим местам». На практике реализация этой формулы привела к существенному концептуальному и идеологическому противоречию. С одной стороны, в соответствии с замыслом либеральных реформаторов российское государство было лишено в ходе приватизации боль-

шей части существовавших в его распоряжении экономических и социальных ресурсов и прерогатив (в идеале оно якобы жертвовало ими в пользу развития гражданского общества). С другой стороны, российское государство в рамках конституционно закрепленного статуса «социальное государство» должно было наращивать свое качество правового государства, способного не только издавать законы, но и всеми своими силами и средствами обеспечивать их неукоснительное выполнение обществом. Однако большая часть этих ресурсов в ходе либеральных реформ была сконцентрирована в руках небольшой группы российских собственников, которые и стали главными субъектами, определяющими реальный вектор политического и социально-экономического развития страны, субъектами, которые поставили под свой контроль не только государство и его ресурсы, но и основные инструменты воздействия на общество для защиты своих олигархических интересов.

Такая ситуация сохранялась до конца 1990-х гг., и именно она стала главной причиной отторжения сторонников либерализма большинства правового населения. Сегодня реализуется иной сценарий строительства правового государства в нашей стране. В его основании лежит идея сильного государства, использующего законотворческие и законоприменительные практики для наращивания своей способности регулировать общественную жизнь и ограждать ее от внешних и внутренних угроз. По той поддержке в массовом сознании российских граждан, которую получил в последние годы этот альтернативный проект строительства в России правового государства, можно судить о том, насколько расходилось с ожиданиями массового сознания все то, что предлагал либеральный проект. И на основании сказанного выше можно судить о мотивах отторжения этого проекта российской политикой.

Список литературы

Варывдин В.А. 1992. Гражданское общество. — *Социально-политический журнал*. № 8. С. 24-32.

Дарендорф Р. 1993. От социального государства к цивилизованному обществу. — *Политические исследования*. № 5. С. 31-35.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России и ее будущего: политическая элита vs представители социального дна. Доступ: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/53651695> (проверено 11.09.2016.)

Обзор российских интеллектуальных журналов. 2008. — *Интелпрос. Неприкосновенный запас: журнальный клуб*. № 1. Доступ: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_57/2301-obzor-rossijskikh-intellektualnykh.html (проверено 20.09.2016.)

Опыт взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в российских регионах: монография (под ред. Г.Н. Комковой). 2010. Саратов: Саратовский источник. 175 с.

Отношение населения к НКО: экспертная оценка. 2014. — *Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ*. № 4, декабрь. Доступ: https://www.hse.ru/data/2015/02/06/1091833510/Bulleten4_Web.pdf (проверено 12.09.2016.)

Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии: коллективная монография. 2012. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС. 703 с.

Рябев В.В. 2010. Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления. — *Вестник МГТУ*. Т. 13. № 2. С. 439-445.

Хайек Ф.А. 1992. *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма* (пер. с англ. Е. Осиповой). М.: Новости. 304 с.

Шестов Н.И. 2010. Гражданственность и «новая сословность» в современном модернизационном процессе. — *Известия Саратовского университета. Новая серия. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 68-73.*

GOLOVCHENKO Anton Vladimirovich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Assistant at the Chair of Criminal and Penal Law and Criminology, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (83 Astrakhanskaya St, Saratov, 410012, Russia; Golovchenkoav@mail.ru)

MODERNIZATION POTENTIAL OF THE LIBERAL PROJECT AND EXPECTATIONS OF CITIZENS IN POST-SOVIET RUSSIA

Abstract. *The article deals with the issue of positioning the modernizing potential of the liberal project in the post-Soviet Russia and its dissonance with expectations of the majority of Russian citizens. The article presents the contradictions on such viewpoints as civil society, constitutional and social state. The author concludes that the consensus of social and elitist expectations were based not on the liberal model, but on the hope of the elite and citizens that the provider of the secure present and sustainable future in our country is a strong, politically centralized state. One of the main theses of the liberal-democratic modernization was the reduction of the state role in the economy and other spheres of social life. Such suggestion, in spite of its internal logic, did not take into account certain inertia of the political process, that in the Soviet system traditionally the major owner was the state, not society. In practice, the implementation of the formula «democracy, private property and the market will put everything on its place» has led to significant conceptual and ideological contradictions.*

Keywords: *liberal project, modernizing potential of liberalism, civil society, constitutional state, social state*

КАПЛУНОВА Дарья Анатольевна — аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского 82, стр. 1; d.kaplunova@gmail.com)

РОССИЯ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ДИСКУССИИ И ПРОГНОЗЫ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу взглядов ряда ведущих специалистов по вопросу определения России как национального государства. Особое внимание уделяется анализу понимания и определения феномена нации в России, т.к. нация является центральной составляющей структуры национального государства. Проанализировав мнения ведущих исследователей, автор приходит к выводу, что российское государство можно определять как национальное государство, но типологически отличающееся от других национальных сообществ совокупностью исторических, политических, культурных особенностей и традиций.*

Ключевые слова: *нация, национальное государство, Россия, тип государства*

Истории известны две наиболее значимые формы организации жизни обществ — это империи и национальные государства. Большинство ведущих европейских стран прошли путь строительства как империй, так и национальных государств. Имперский период российской истории длился от Петра I до Николая II, получив затем свое продолжение в форме советского государства, которое также